

ПРОЦЕССЫ
ПРОТИВЪ ЖИВОТНЫХЪ
ВЪ СРЕДНИЕ ВѢКА

Я. Канторовича

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание «Юридической Библиотеки»

Дозволено цензурою 11-го Марта 1897 года.

„Центральная“ Типо-Литогр. М. Я. Минкова, Лиговская, 35.

ПРОЦЕССЫ ПРОТИВЪ ЖИВОТНЫХЪ

Процессы противъ животныхъ въ средніе вѣка *)

(Страница изъ исторіи права)

I.

Эпоха среднихъ вѣковъ, столь много и столь многими изучавшаяся, остается еще до сихъ поръ неистощимымъ источникомъ для изслѣдователей этого мрачнаго и живописнаго, набожнаго и жестокаго, фанатически-прямолинейнаго и оригинально-разнообраз-

*) Это удивительное явленіе средневѣковой правовой жизни—процессы противъ животныхъ—еще очень мало разработано. Въ русской литературѣ, кромѣ краткихъ указаній въ курсѣ Таганцева и въ другихъ учебникахъ уголовнаго права, мы не встрѣтили ни одной, даже случайной, замѣтки. Также, насколько намъ извѣстно, нѣтъ ничего или почти ничего въ англійской и итальянской литературѣ. Въ послѣдней укажемъ книгу Karlo Addosio „Bestie delinquenti“, 1893 г. Не особенно много имѣется изслѣдованій и въ нѣмецкой литературѣ, гдѣ они большей частью разбросаны по различнымъ періодическимъ изданіямъ. Ука-

наго возраста европейскаго человѣчества (оставшіеся отъ этой эпохи хроники и памятники, очищенные отъ архивной пыли и отъ испорченной латыни, открываютъ изслѣдователямъ факты, явленія, институты—удивительные по своей причудливости и чудовищности, невѣроятные для нашего времени по міровоззрѣнію, которымъ они проникнуты, и по крайностямъ, съ которыми они проявлялись.

Однимъ изъ явленій, въ которыхъ наиболее характерно выразился духъ средневѣковой эпохи, были процессы о вѣдьмахъ,—это чудовищное заблужденіе, возведенное средними вѣками въ цѣльное міросозерцаніе, которое съ такою силою и такъ долго господствовала по всей Европѣ и отъ котораго погибли въ пыткахъ и на кострахъ милліоны невинныхъ женщинъ, осужденныхъ судебными три-

жемъ на недавно вышедшую брошюру Karl v. Amira „Thierstrafen und Thierprocesse“, 1894 г. Больше всего процессы противъ животныхъ разработаны французскими изслѣдователями, какъ Berriat-Saint-Prix, Agnel, Ménabrea, Sorel и др., между которыми изысканія Berriat-Saint-Prix занимаютъ главное мѣсто. Этими изысканіями, собственно говоря, исчерпывается все, что извѣстно объ этихъ процессахъ. Къ сожалѣнію, эти изслѣдованія составляютъ величайшую библиографическую рѣдкость и ими можно пользоваться только въ *Bibliothèque Nationale* въ Парижѣ.

буналами по всѣмъ правиламъ судопроизводства и на основаніи постановленій уголовного кодекса, по обвиненію въ связи съ дьяволомъ и въ разныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ колдовства.

Рядомъ съ этими ужасными процессами среднимъ вѣкамъ принадлежитъ другой родъ процессовъ, о которыхъ нельзя читать безъ смѣха, — до того они удивительны по своей забавной наивности и странности, — но которые, тѣмъ не менѣе, производились въ свѣтскихъ и духовныхъ судахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ формальностей и со всею серьезностью и торжественностью актовъ правосудія. Это — процессы противъ животныхъ, уголовные и гражданскіе, въ которыхъ подсудимыми и отвѣтчиками выступали домашнія и другія животныя по формально предъявленнымъ къ нимъ обвиненіямъ и вчиненнымъ искамъ. Въ этихъ процессахъ весьма рельефно отразился духъ средневѣковой юстиціи, по которому всякая вина формально виновата и должна быть наказуема. Въ нихъ также ярко выразились характерныя черты средневѣковаго склада мышленія, схоластически - отвлеченнаго, мистически-дедуктивнаго, склоннаго къ формализму, къ подчиненію всякаго явленія однообразію установ-

ленныхъ формъ, къ внѣшнему согласованію сущности фактовъ съ мнѣніями и сентенціями признанныхъ авторитетовъ...

Эти процессы противъ животныхъ—одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи права и вмѣстѣ съ тѣмъ—исторіи культуры.

II.

Процессы противъ животныхъ впервые встрѣчаются въ XIII столѣтіи. По всей вѣроятности, они имѣли мѣсто и раньше, но въ архивахъ не сохранилось достаточно ясныхъ слѣдовъ о нихъ. Наибольшаго развитія эти процессы достигли между XV и XVII столѣтіями *), но продолжались еще въ XVIII и XIX стол., а нѣкоторые слѣды ихъ замѣчаются даже и въ наше время.

Сущность этихъ процессовъ заключается въ томъ, что животныя разсматриваются, какъ вполне со-

*) Первые слѣды этихъ процессовъ находимъ во Франціи въ XIII ст. Къ концу XIV ст. находимъ ихъ въ чрезвычайно оригинальной формѣ въ Сардиніи, а столѣтіемъ позже—во Фландріи. Во второй половинѣ XVI ст. они встрѣчаются въ Нидерландахъ, Германіи, Италіи и Швеціи, а еще позже въ Англіи. Но больше всего этихъ процессовъ было во Франціи; тамъ же они и удержались позже, чѣмъ въ другихъ странахъ.

знательныя существа, сознающія то, что они дѣлаютъ, и обязанныя поэтому отвѣтствовать, подобно людямъ, на основаніи общихъ законовъ, за всякое совершенное ими преступленіе и за всякій причиненный ими имущественный вредъ. Процессы были уголовныя и гражданскіе, послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Тѣ и другіе поражаютъ своею абсурдностью и наивностью. Тутъ какъ бы въ дѣйствительности происходятъ дѣйствія изъ басень Крылова. Животныя не говорятъ, но люди за нихъ говорятъ, давая за нихъ отвѣты, представляя объясненія и резоны, дѣлая возраженія на предъявленные къ нимъ обвиненія или иски—какъ повѣренные настоящихъ отвѣтчиковъ. Животныя-подсудимыя привлекаются къ уголовной отвѣтственности, надъ ними производится формальное слѣдствіе, они подвергаются допросу, ихъ обвиняетъ прокуроръ и защищаетъ защитникъ, они судятся и осуждаются на основаніи законовъ. Иски къ животнымъ-отвѣтчикамъ вчиняются по правиламъ гражданского судопроизводства; они предваряются повѣсткой, имъ предоставляется покончить дѣло миромъ раньше возбужденія тяжбы, съ ними входятъ въ компромиссы, дѣлаютъ имъ предложенія, вызываютъ на уступки —

словомъ, точь въ точь какъ при всякой тяжбѣ между сторонами гражданскаго процесса.

При всей абсурдности этихъ процессовъ, есть нѣчто трогательно-наивное въ этомъ третированіи животныхъ, какъ равныхъ, въ этомъ признаніи за животными, какъ за божьими созданіями, права дѣйствовать на землѣ и отвѣчать за свои дѣйствія. Они живутъ среди людей не внѣ закона, ихъ не наказываютъ по произволу и капризу, а предоставляютъ правосудію взыскивать съ нихъ, на основаніи законовъ и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ законныхъ гарантій справедливаго и законнаго суда. За ними признается, наравнѣ съ людьми, право на существованіе на землѣ. Это право можетъ быть у нихъ отнято только по постановленію законной власти и только въ томъ случаѣ, если они злоупотребляютъ этимъ правомъ и причиняютъ чловѣку вредъ. Они пользуются защитой законовъ не только свѣтскихъ, но и духовныхъ и, въ случаѣ доказанной ихъ вины, они, подобно членамъ церкви, могутъ быть отлучаемы отъ церкви. Отлученіе животныхъ отъ церкви считалось для нихъ, какъ и для дѣйствительныхъ членовъ церкви, самымъ тяжкимъ наказаніемъ, и духовные суды рѣшались на такое наказаніе не сразу. Обвиняемое живот-

ное предварялось увѣщаніемъ отъ имени жалобщика слѣдующаго рода. «Ты—созданье Божье; какъ такому, я обязанъ оказывать тебѣ уваженіе. Земля тебѣ дана, какъ и мнѣ; я обязанъ дать тебѣ возможность жить. Но ты вредишь мнѣ, ты присвоиваешь себѣ мою собственность, ты портишь мой виноградникъ, ты пожираешь мою жатву, ты лишаешь меня плодовъ моихъ трудовъ. Можетъ быть я заслуживаю этихъ бѣдствій, ибо я несчастный грѣшникъ. Во всякомъ случаѣ, право сильного— есть право несправедливое. Я докажу твою неправоту, я буду просить у Всевышняго заступничества. Я тебѣ укажу мѣсто, гдѣ ты можешь существовать, уйди отсюда. Если же ты будешь упорствовать, то я тебя прокляну».

Въ этомъ обращеніи человѣка къ животному— болѣе трогательнаго, чѣмъ смѣшнаго. Трогательна эта наивная простота, съ которой, при всей ея абсурдности, выраженъ почти пантеистическій взглядъ на міръ, на природу, въ которой всѣ равноправны, отъ царя природы—человѣка до ничтожнаго насѣкомаго, желающаго тоже жить и имѣющаго тоже право на жизнь...

III.

Въ уголовныхъ процессахъ большею частью фигурируютъ слѣдующія животныя: свиньи, козлы, козы, быки, коровы, мулы, лошади, кошки, собаки и пѣтухи.

Преступленія, въ которыхъ обвиняются животныя, большею частью не самостоятельно ими совершенныя, а въ соучастіи съ человѣкомъ, который фигурируетъ, какъ главный вновникъ: волшебство, скотоложество, непотребство, святотатство и др. Приведенный Гюго въ Notre-Dame de Paris эпизодъ суда надъ Эмеральдой и ея козой—вѣренъ исторической дѣйствительности. Но нерѣдко животныя привлекались къ судебному слѣдствію и при-суждались къ наказаніямъ за преступленія, спеціально и самостоятельно ими совершенныя—за убійство или причиненіе ранъ людямъ. Почему-то свиньи наиболѣе часто встрѣчаются въ такихъ процессахъ.

Изъ содержанія и терминологіи судебныхъ протоколовъ видно, что суды направляли процессы къ самой *личности* животныхъ, рассматривая ихъ, какъ самостоятельно отвѣтственныхъ преступниковъ. Животное считается *преступнымъ*, ему приписывается

преступная воля и оно осуждается во имя правосудія. Такое уголовно-правовое отношеніе къ животнымъ вполнѣ непосредственно выражается во всѣхъ источникахъ, въ особенности во французскихъ, въ которыхъ уже въ XIII ст. говорится о «faire justice des bestes» и о «mettre à mort en maniere de justice». Въ приговорахъ указывается, что судъ опредѣляетъ наказаніе такому-то животному, злодѣю en detestation et horreur dudit cas или pour la cruauté et ferocité comise.

Уголовныя дѣла были подвѣдомственны свѣтскимъ судамъ. Процессуальныя формы, вполнѣ выработанныя лишь къ концу среднихъ вѣковъ, ни въ чемъ не отступаютъ отъ общаго порядка судопроизводства. Есть указанія, что къ животнымъ примѣнялся Божій судъ. Также примѣнялась пытка. По общему порядку, къ животному, совершившему преступленіе, предъявляется формальное обвиненіе, которое поддерживается представителемъ государственной власти. Въ случаѣ необходимости принятія мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоняться отъ суда, обвиняемое животное подвергается аресту и заключается въ общую для всѣхъ преступниковъ тюрьму. Сохранился счетъ отъ 1408 года, изъ ко-

того видно, что на ежедневное содержаніе свиньи, арестованной по обвиненію въ убійствѣ ребенка, отпускалось столько же, сколько и для каждаго изъ заключенныхъ. Въ судебномъ засѣданіи допрашиваются свидѣтели и также подвергается допросу само подсудимое животное, которое приводится въ судъ; такъ какъ оно не отвѣчаетъ, — по крайней мѣрѣ понятнымъ для суда языкомъ, — то отвѣтомъ служатъ звуки, издаваемые животнымъ при сопровождающей допросъ пыткѣ, причемъ обыкновенно эти звуки толкуются судомъ, какъ сознаніе въ своей винѣ. Судебное слѣдствіе ведется съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, какъ при слѣдствіяхъ надъ людьми. Судъ назначаетъ обвиняемому животному защитника, выслушиваетъ его защитительные доводы, даетъ ему сроки для апелляціи и вообще гарантируетъ обвиняемому всѣ средства защиты.

Процессъ обыкновенно кончается присужденіемъ къ смертной казни. Сохранилось указаніе, что судъ одного австрійскаго города XVІІ ст. приговорилъ собаку къ одиночному заключенію. Но обыкновенно осужденныя животныя приговаривались къ повѣшенію, погребенію живьемъ, убіенію камнями, сожженію или обезглавленію. Начиная съ XVІІ столѣ-

тія, судъ перестаетъ опредѣлять въ приговорѣ родъ смерти, предоставляя въ этомъ отношеніи выборъ исполнительнымъ органамъ. Часто животныя передъ казнью подвергались изувѣченію — отрубленію ногъ, ушей и другихъ частей тѣла, указанныхъ въ приговорѣ. Въ послѣдній періодъ развитія процессовъ противъ животныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, изъ-за экономическихъ соображеній, суды замѣняли смертную казнь дорогихъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ продажей ихъ на убой, съ тѣмъ, что голова убитаго животного должна быть выставлена на лобной площади. Такую резолюцію мы находимъ въ актахъ гентскаго суда 1578 г. относительно осужденной коровы, причемъ судъ постановилъ, чтобы половина дохода съ продажи преступнаго животного поступила въ пользу потерпѣвшаго, а другая половина въ городскую казну на пользу бѣдныхъ.

Приведеніе въ исполненіе приговора происходило съ соблюденіемъ тѣхъ же торжественныхъ и сложныхъ формальностей, какія предписаны при приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ надъ преступниками-людьми. Казнь происходила открыто, въ присутствіи народа, на городской площади, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—при звонѣ колоколовъ. Исполненіе казни всегда поручалось государственному

палачу, который, въ случаѣ надобности, призывался изъ отдаленныхъ мѣстностей. Сохранились въ архивахъ счета палачей на издержки и вознагражденіе за исполненную казнь. Осужденное животное волочили въ сопровожденіи большой толпы къ мѣсту казни; часто оно было одѣто въ человѣческую одежду. Для повѣшенія специально возводилась висѣлица.

Извѣстный изслѣдователь процессовъ противъ животныхъ Berriat-Saint-Prix сообщаетъ множество процессовъ, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе XIII—XVII ст. включительно и приводитъ текстъ многихъ приговоровъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ уголовныхъ процессовъ.

Въ 1268 г. въ Парижѣ была приговорена къ сожженію небольшая свинья за то, что она съѣла ребенка. Въ 1386 г. судьей въ Talaise свинья-самка была приговорена къ отрубленію ноги и головы, а затѣмъ та же свинья была повѣшена. Эти два наказанія назначены были ей въ возмездіе за учиненныя ею два преступленія: во-первыхъ, она разорвала руку и лицо ребенка, и во-вторыхъ, съѣла его. Свинья была казнена въ человѣческой одеждѣ на городской площади. Казнь стоила 10 су и 10 денье, и кромѣ того, уплачено за одну новую перчатку для палача.

Въ 1313 году во Франціи разъяренный быкъ, убѣжавшій изъ стойла, прокололъ рогами встрѣтившагося ему человѣка. Карлъ графъ де-Валуа издалъ повелѣніе объ арестованіи быка и о производствѣ надъ нимъ суда. На мѣсто происшествія былъ посланъ специальный чиновникъ для выясненія обстоятельствъ дѣла. Собранныя свѣдѣнія и свидѣтельскія показанія были представлены въ судъ, который присудилъ быка къ повѣшенію. Казнь была совершена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ учинено быкомъ преступленіе.

10-го января 1457 года феодальный судъ въ Савиньи разбиралъ дѣло по обвиненію свиньи и шести поросятъ въ убійствѣ пятимѣтнаго мальчика, Жана Мартена. Послѣ обычныхъ формальностей, судья призналъ свинью виновной и присудилъ ее къ повѣшенію за заднія ноги. Что-же касается поросятъ, то ихъ участіе въ преступленіи не могло быть установлено съ достовѣрностью, вслѣдствіе чего они были оправданы, но «à l'usage du païs de Bourgoingne» были конфискованы въ пользу суда.

Въ 1499 г. въ аббатствѣ Josaphat было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ свиньи. Вотъ текстъ состоявшагося приговора: «Имѣя въ

виду, что, по обстоятельствамъ дѣла, вытекающимъ изъ процесса, возбужденнаго прокуроромъ, аббатомъ монастыря de Josaphat, трехмѣсячнымъ поросенкомъ причинена смерть ребенку, по имени Gilon, имѣвшему отъ роду полтора года; принимая во вниманіе данныя слѣдствія, произведеннаго прокуроромъ; усмотрѣвъ и выслушавъ все, что касается указаннаго поросенка и обстоятельствъ дѣла,—мы присудили его къ казни чрезъ повѣшеніе. Изложенное дано, съ приложеніемъ малой печати уголовныхъ дѣлъ, 19 апрѣля 1499 г.». Въ дѣлѣ также имѣется протоколъ объявленія приговора свинѣ предъ исполненіемъ казни.

15-го марта 1403 г. мантскій судья присудилъ къ смертной казни свинью, съѣвшую ребенка. Вотъ счетъ расходовъ по исполненію казни: израсходовано: 1) на содержаніе свиньи въ заключеніи—6 су парижскихъ; 2) на вознагражденіе палача, прибывшаго изъ Парижа для этой казни по распоряженію и по приказу судьи и королевскаго прокурора—54 су парижскихъ; 3) за телѣгу, на которой «е» вели къ казни—6 су; 4) за веревку, которой «е» связали—2 су и 8 денье. Всего—68 су и 8 денье.

Въ 1474 г. въ городѣ Базелѣ осужденъ на сож-

женіе пѣтухъ, который снесъ яйцо и тѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе, что онъ вошелъ въ связь съ дьяволомъ. Яйцо тоже было сожжено.

Въ 1565 г. одинъ мулъ былъ осужденъ къ сожженію. вмѣстѣ съ его хозяиномъ, за преступленіе *cujus ipso nominatio crimen est*—какъ говоритъ хроникеръ этого процесса. *Mulus erat vitiosus et calcitrosus*, добавляетъ хроникеръ. Ему сначала отрубили всѣ четыре ноги, а затѣмъ бросили его въ огонь, вмѣстѣ съ его хозяиномъ.

Наконецъ, упомянемъ о процессѣ, имѣвшемъ мѣсто во Франціи всего лѣтъ двѣсти съ лишнимъ тому назадъ—въ 1750 г. Обвинялась ослица въ безнравственныхъ поступкахъ. Она была оправдана судомъ, благодаря заступничеству мѣстнаго священника, который письменно удостовѣрилъ нравственность этой ослицы.

IV.

Отъ уголовныхъ процессовъ, которые обыкновенно возбуждались противъ домашнихъ животныхъ и имѣли дѣло съ какимъ-либо опредѣленнымъ отдѣльнымъ животнымъ, учинившимъ опредѣленное злодѣяніе, слѣдуетъ отличать другіе процессы, съ характеромъ скорѣе гражданскаго иска, которые

направлялись противъ цѣлыхъ массъ животныхъ, относящихся къ числу такъ-называемыхъ нечистыхъ: противъ мышей, крысъ, кротовъ, гусеницъ, разныхъ насѣкомыхъ, змѣй, пѣявокъ и т. п. Въ Канадѣ процессы также возбуждались противъ аистовъ, въ Германіи противъ воробьевъ, на берегу Женевскаго озера противъ угрей. Во всѣхъ этихъ процессахъ дѣло шло объ огражденіи почвы, рѣки или озера отъ нашествія этихъ вредныхъ животныхъ, о предохраненіи полей и виноградниковъ отъ ихъ хищничества или объ отвращеніи другого какого-либо вреда, ими причиняемаго жителямъ. Тутъ дѣло шло не о мести или репрессіи правосудія, а о мѣрѣ общественной безопасности.

Главная особенность этихъ процессовъ заключалась въ томъ, что животныя являлись равноправною стороною и выступали въ процессѣ, какъ настоящіе отвѣтчики. Обвинителемъ или истцомъ является собственникъ земли или воды, которой наносится ущербъ, большею частью обвиненіе ведется отъ имени всей общины. Процессы распадаются обыкновенно на два фазиса, которые, однако, внѣшнимъ образомъ не всегда были строго раздѣлены. Въ первомъ фазисѣ дѣло разсматривается по существу и предлагается къ разрѣшенію вопросъ объ

удаленіи отвѣтчиковъ-животныхъ изъ страны, причемъ стороны, каждая въ свою пользу, приводятъ возраженія и доводы за и противъ изгнанія. Если вопросъ рѣшенъ утвердительно, то къ резолюціи можетъ быть еще присоединена угроза проклинанія или отлученія. Второй фазисъ наступаетъ тогда, когда отвѣтчики отказываются повиноваться рѣшенію суда и не удаляются изъ страны и тогда возникаетъ споръ о примѣненіи къ нимъ проклинанія или отлученія. И въ этомъ спорѣ сторонамъ предоставляется приводить доводы и возраженія *pro* и *contra*. Обѣ части процесса ведутся большею частью, по общему правилу, духовными судьями, епископальной куріею или ея делегатами, но иногда первая часть процесса поручается свѣтскому судья. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весь процессъ— какъ въ первомъ, такъ и во второмъ фазисѣ— поручался не духовнымъ судьямъ, а выбранному народомъ *adjurator*'у.

Процессъ начинается подачей «*Supplicatio*» или «*requesta*» обвиняющей стороны. Судъ тогда назначаетъ отвѣтчику-животному *procurator*'а, т. е. адвоката, который долженъ отвѣчать отъ имени животныхъ на предъявленное къ послѣднимъ обвиненіе. По другой системѣ судопроизводства, которая относится къ болѣе старинной эпохѣ, живот-

нымъ не назначается защитникъ, но зато сами обвиняемыя животныя, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколькихъ экземплярахъ, должны явиться къ мѣсту суда. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Лозанской епархіи примѣнялась еще третья система — условное назначеніе защитника животнымъ. Именно, на основаніи жалобы потерпѣвшей стороны епископскій оффиціалъ издавалъ приказъ, въ которомъ животнымъ повелѣвалось подѣ угрозой *maledictio* удалиться изъ страны, причемъ прибавлялось, что если кто-либо не согласенъ съ этимъ распоряженіемъ, то онъ можетъ назначить обвиняемымъ куратора или защитника. вмѣстѣ съ тѣмъ, внушалось животнымъ, подѣ угрозой отлученія, чтобы они въ теченіе разбирательства дѣла удержались отъ дальнѣйшаго размноженія.

Эти тяжбы съ животными велись съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, установленныхъ правилами судопроизводства, съ представленіемъ массы письменныхъ документовъ, объяснительныхъ и дополнительныхъ доводовъ, возраженій, отводовъ, съ предоставленіемъ сторонамъ многочисленныхъ сроковъ и съ тою же волокитой, которою отличалось вообще судопроизводство того времени. Эти тяжбы тянулись очень долго, иногда цѣлые годы.

Процессы обыкновенно кончались рѣшеніемъ, постановлявшимъ объ изгнаніи отвѣтчиковъ изъ страны. Приговоръ приводился въ исполненіе не сейчасъ. Обыкновенно животнымъ-отвѣтчикамъ давался опредѣленный срокъ, во время котораго они могли собраться въ дорогу. Часто имъ давалось на это время обѣщаніе свободнаго прохода. Иногда изгнаніе превращалось въ ссылку. Мѣсто ссылки иногда было неопредѣленное: ставилось только условіемъ, чтобы животныя въ этомъ новомъ мѣстѣ никому не могли вредить. Иногда же это мѣсто обозначалось въ приговорѣ: животныхъ ссылали «въ море» или «на удаленный островъ», часто имъ отводился даже принадлежащій общинѣ участокъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они щадили остальную часть принадлежащей общинѣ земли. Послѣднее иногда являлось слѣдствіемъ уступокъ, которыя обвинители должны были дать оффиціальному защитнику. Все это закрѣплялось въ видѣ договора. Множество условій и договорныхъ пунктовъ, которые регулировали подробности этихъ уступокъ, показываетъ, насколько серьезно люди относились тогда къ этому договору съ животными.

Сохранились подлинныя акты процессовъ противъ насѣкомыхъ, шпанскихъ мухъ, гусеницъ, поле-

выхъ мышей, кротовъ и др. Сохранился также текстъ преній сторонъ. Знаменитый юристъ XV—XVI ст. Barthélemy Chassanéе обязанъ началомъ своей репутаціи одному процессу, въ которомъ онъ пледировалъ за крысъ. Онъ же составилъ цѣлую книгу съ подробнымъ изложеніемъ процессуальныхъ правилъ по процессамъ противъ животныхъ, въ видѣ руководства для юристовъ по этому рода дѣламъ. Сохранились также судебные приговоры, заключающіе въ себѣ большею частью изгнаніе осужденныхъ и также, — въ случаѣ ихъ неповиновенія, — отлученіе ихъ отъ церкви.

Теологъ XV ст. Felix Hemmerlein, извѣстный подъ именемъ Malleolus, рассказываетъ, что однажды въ окрестностяхъ Coire, въ электоратѣ Мауенсе, случилось вторженіе бѣлыхъ червей, которые стали опустошать мѣстность. Жители подали на этихъ насекомыхъ жалобу въ судъ. Бѣлые черви, конечно, не прислали на эту жалобу никакого возраженія. Тогда судъ, выждавъ опредѣленный срокъ, далъ ходъ дѣлу и назначилъ отвѣтчикамъ адвоката. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, судъ, признавъ, что «указанные черви—созданія Бога, что они имѣютъ право жить, что было бы несправедливо лишать ихъ возможности существованія, опредѣлилъ: назначить имъ мѣстожителемъ лѣсистую и дикую

мѣстность, дабы они отнынѣ могли жить, не причиняя вреда обрабатываемымъ полямъ».

Тотъ же авторъ рассказываетъ о другомъ подобномъ же процессѣ, возбужденномъ жителями Соиге противъ шпанскихъ мухъ. Судья прежде всего, въ виду того, *что обвиняемыя (мушки)---маленькія и, следовательно, по его мнѣнію, малолѣтнія,* назначилъ имъ опекуна и также защитника, который такъ хорошо защищалъ своихъ малолѣтнихъ кліентовъ, что ему удалось добиться, чтобы изгнавъ ихъ изъ страны, имъ все-таки была отведена территорія, гдѣ онѣ могли бы поселиться и существовать. «И теперь еще,—добавляетъ этотъ писатель XV ст.,—жители Соиге каждый годъ возобновляютъ контрактъ съ указанными мушками, по которому предоставляютъ этимъ насѣкомымъ извѣстное пространство, а эти послѣднія обязуются не выходить за условленные предѣлы, и обѣ стороны свято соблюдаютъ это миролюбивое соглашеніе».

Въ 1522—1530 г.г. въ епископствѣ Отенскомъ (d'Autun) страшно размножились мыши и до того опустошили поля, что жители стали опасаться голода. Они обратились съ просьбою къ оффиціалу (духовный судъ), чтобы онъ совершилъ экскоммуникацію мышей. Вслѣдствіе этого подана была формаль-

ная жалоба противъ мышей. Онѣ были приглашены явиться на судъ. Такъ какъ онѣ не явились, то неявка была обращена противъ нихъ и обвинитель потребовалъ приступить къ окончательному рѣшенію дѣла. Судъ назначилъ отвѣтчикамъ-мышамъ оффиціального защитника въ лицѣ вышеупомяну-таго знаменитаго адвоката *Barthélemy Chassané*. Защитникъ прежде всего заявилъ, что его кліенты не были, какъ слѣдуетъ, оповѣщены о явкѣ въ судъ, ибо многіе изъ нихъ находились въ полѣ, и что, вообще, одного оповѣщенія недостаточно, чтобы поставить въ извѣстность всѣхъ его кліентовъ, которые многочисленны и разсѣяны по большому числу деревень. Этими доводами онъ добился второго оповѣщенія, которое было сдѣлано чрезъ публикацію съ кафедры каждаго прихода. Конечно, это оповѣщеніе было не болѣе успѣшно, чѣмъ первое. Чтобы опять представить извинительныя причины неявки своихъ кліентовъ, защитникъ указалъ на продолжительность и трудность пути, на опасности, которыя сопряжены для мышей во время ихъ путешествія со стороны ихъ смертельныхъ враговъ—кошекъ, которыя, узнавъ о вызовѣ ихъ въ судъ, стерегутъ ихъ на всѣхъ путяхъ и т. д. Послѣ того, какъ онъ истощилъ всѣ доводы, чтобы добиться отсрочки,

онъ обратился къ соображеніямъ гуманности и справедливости, заключивъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ эти общія проскрипціи, которыя поражаютъ массами семьи, которыя заставляють дѣтей нести наказанія за преступленія ихъ родителей, которыя карають всѣхъ безъ различія пола и возраста—также тѣхъ, которые по своему нѣжному возрасту или по дряхлости равно неспособны къ преступленію».

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло. Извѣстно только, что этотъ процессъ, какъ выше упомянуто, послужилъ началомъ репутаціи адвоката мышей Chassanéе, который пріобрѣлъ, благодаря своей искусной защитѣ, большую извѣстность и впоследствии достигъ первыхъ ступеней въ магистратурѣ.

Въ 1690 году гусеницы опустошали окрестности Пондюшато въ Оверни. Чтобы освободиться отъ этого бича, жители этого города обратились къ клермонскому епископу съ просьбою назначить этимъ тварямъ представителя и, *servato juris ordine*, присудить эти существа къ изгнанію изъ этихъ мѣстъ, въ которыя они забрались съ такою неслыханною дерзостью. Епископъ, однако, не счелъ возможнымъ удовлетворить немедленно просьбу жителей и ограничился назначеніемъ общественныхъ

молитвѣ. Ожесточенный народъ рѣшилъ тогда обратиться къ судѣ. Послѣдній назначилъ гусеницамъ представителя и дѣло началось. По выслушаніи обѣихъ сторонъ, судъ рѣшилъ, что животныя обязаны оставить обрабатываемыя поля, обозначенныя въ прошеніи жителей, и поселиться въ предоставленномъ имъ участкѣ земли, гдѣ онѣ отнынѣ могутъ безпрепятственно жить.

Въ маѣ 1479 года мудрый городъ Бернъ по совѣту своихъ священниковъ поручилъ городскому писцу Thuring'у Tricker'у, доктору правъ, призвать вредныхъ и хищныхъ гусеницъ, жучковъ и червей предъ лозанскій духовный судъ. Съ соизволенія лозанскаго епископа обвиняемымъ животнымъ былъ назначенъ адвокатъ въ лицѣ Perrodet'а, изъ Фрейбурга. Духовный судъ выслушалъ обѣ партіи и, по совершеніи всѣхъ обычныхъ формальностей, взвѣсивши всѣ доводы истцовъ и отвѣтчиковъ, произнесъ слѣдующій приговоръ: «По совѣту ученыхъ, мы разсудили въ этомъ дѣлѣ, что жалоба на вредныхъ животныхъ, пожирающихъ траву, зерно и другія вещи, основательна, мы обвиняемъ ихъ поэтому въ лицѣ ихъ защитника Іоанна Перродети, проклинаемъ и повелѣваемъ имъ именемъ Бога Отца, Сына и Св. Духа немедленно оставить поля, сѣмена, зерна и проч.»...

Въ царствованіе Франциска I, во Франціи, Жанъ Мило, чиновникъ Труа въ Компьенѣ, постановилъ 9 іюня 1566 года слѣдующаго содержанія рѣшеніе противъ гусеницъ: выслушавши стороны и признавая справедливую жалобу жителей Виленоса, предлагаемъ гусеницѣ удалиться въ теченіе шести дней, въ случаѣ же неисполненія сего объявляемъ ее проклятою и отлученною отъ церкви.

Въ 1590 г. въ кантонѣ Auvergne судились гусеницы за истребленіе полей. Онѣ тоже были присуждены къ изгнанію, причемъ имъ назначили для мѣстожительства опредѣленное мѣсто. Это назначеніе мѣстожительства повторяется во всѣхъ рѣшеніяхъ по подобнымъ процессамъ, причемъ осужденные, какъ видно изъ актовъ, или повинуются судебному рѣшенію и удаляются въ назначенное имъ мѣсто, или же, отлученные отъ церкви за неповиновеніе, неизвѣстно куда исчезаютъ. Иногда они уступали безъ суда. Такъ, въ XVI ст., какъ рассказываетъ Malleolus, появилось на береговой полосѣ одной мѣстности множество крысъ. Былъ назначенъ надъ ними судъ. Но раньше, чѣмъ судъ дошелъ до приговора, епископъ, въ сопровожденіи всего духовенства, поднялся на самую вершину сосѣдней горы и оттуда предъявилъ крысамъ тре-

бование, чтобы онѣ удалились изъ этой мѣстности. И что-же? Крысы послушно вылѣзли изъ всѣхъ норъ и, пустившись вплавь, переплыли часть моря, отдѣлявшую берегъ отъ маленькаго пустыннаго острова, гдѣ онѣ и водворились на жительство.

У.

Для характеристики этихъ процессовъ приведемъ подробное сообщеніе объ одномъ такомъ процессѣ, извлеченное нами изъ статьи Ménabréa «De l'origine de la forme et de l'esprit des jugements rendus au moyen age contre les animaux» (помѣщенной въ *Memoires de la Societé royale de Savoie*, XII, 1826 г.)

Близъ большой дороги, ведущей черезъ Монъ-Сенись, недалеко отъ города Ст. Жанъ де Моріень, бывшаго прежде резиденціей епископа, находится община Сень-Жульень, виноградники которой самымъ благоприятнымъ образомъ расположены на склопѣ высокой горы, доступномъ благодѣтельному вліянію солнечныхъ лучей. Эта община славилась поэтому во всей окрестности производимымъ тамъ прекраснымъ виномъ. Но отъ времени до времени эти виноградники подвергались опустошенію со стороны зеленого жучка, называющагося въ наукѣ

Rhynchites auratus и котораго народъ называетъ во Франціи *amblevin* или *verpillon*.

Уже въ 1515 г. жители Сень-Жульена обратились къ доктору правъ Франсуа Бонивару съ просьбою о защитѣ ихъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Представителемъ послѣднихъ былъ назначенъ прокуроръ Пьеръ Фалкона. Такъ какъ старанія Бонивара покончить дѣло мирнымъ соглашеніемъ не привели ни къ чему, то синдикки Сень-Жульена обратились за помощію къ генеральному викарію въ Ст. Жанъ де Моріенъ, который посовѣтывалъ прибѣгнуть къ молитвамъ и другимъ религіознымъ актамъ. Въ 1587 году виноградники Сень-Жульена подверглись новому вторженію *Rhynchites*, и жители возбудили новый процессъ, акты котораго сохранились въ сень-жульенскомъ архивѣ подъ обозначеніемъ: *De actis Scindicorum communitatis Sancti Juliani agentium contra Animalia bruta ad formam muscarum volante coloris viridis, communi voce appellata Verpillons seu Amblevins.*

Процессъ начался прошеніемъ, поданнымъ сень-жульенскими синдикками генеральному викарію. Въ этомъ прошеніи яркими красками рисуется тяжелое положеніе владѣльцевъ опустошенныхъ виноградниковъ. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, увѣряютъ

просители, въ странѣ появилось такое ужасное множество этихъ насѣкомыхъ, что продукты виноградниковъ совершенно исчезаютъ. Эти насѣкомыя наносятъ страшный вредъ, пожирая самыя дорогія надежды земледѣльцевъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ Провидѣніе, внявши горячимъ мольбамъ бѣдныхъ обитателей, положило конецъ беспорядочному бѣшенству, *inordinato furori* этихъ вредоносныхъ существъ, но теперь эти страшныя массы дѣйствуютъ, повидимому, съ удвоенною силою, желая разрушить положительно все. Исходя изъ того, что если людскіе грѣхи могутъ быть причиной подобнаго несчастія, то лишь земныя представители Спасителя знаютъ средства, которыми можно отклонить гнѣвъ Божій,— сенъ-жульенскіе синдикки въ заключеніе просятъ генеральнаго викарія возбудить снова старый процессъ 1545 года, или же въ случаѣ надобности, дѣйствовать *ex integro*, назначить насѣкомымъ новаго представителя на мѣсто стараго, умершаго, и выбрать комиссара для осмотра виноградниковъ съ тѣмъ, чтобы этотъ осмотръ былъ произведенъ въ присутствіи противной стороны, если послѣдняя будетъ настаивать на этомъ, и приступить послѣ всего этого къ изгнанію животныхъ эскоммуникаціею или интердиктомъ, или какимъ-нибудь другимъ духовнымъ

средствомъ. Синдики объявляютъ, что община готова уступить изгнаннымъ животнымъ на вѣчныя времена участокъ земли, на которомъ эти твари могутъ найти достаточный кормъ.

Это прошеніе, подписанное синдикомъ Francisus Facti, было передано викарию 13 апрѣля и въ тотъ же день сосиндикъ Франсуа Амене выбралъ прокурора въ лицѣ Петремана Бертрана, одного изъ прокуроровъ моріенскаго суда, *causidicus in curiis ipsius civitatis*.

16 мая Франсуа Амене, сопровождаемый Петреманомъ Бертраномъ, снова явился къ генеральному викарию и оффиціалу и представилъ вторично упомянутое выше прошеніе, затѣмъ передалъ документы о выборѣ и утвержденіи прокурора и акты процесса 1545 года. Пересмотрѣвши все это, оффиціалъ, принимая во вниманіе, что отвѣтчики не могутъ остаться безъ защиты, *ne in defensa remaneant*, назначилъ *égrége* Антуана Филиола и Пьера Ромбо представителями насѣкомыхъ, съ умѣреннымъ вознагражденіемъ за ихъ труды. Въстѣ съ тѣмъ оффиціалъ поручилъ сень-жульенскому кюре, или его викарию, привести въ исполненіе распоряженіе, данное 8-го мая 1546 г. генеральнымъ викаріемъ для защиты отъ появившихся тогда насѣкомыхъ.

Это распоряженіе заключалось въ слѣдующемъ: заставить народъ, обратившись къ Богу всѣмъ сердцемъ, *ex toto et puro corde*, исповѣдоваться въ совершенныхъ грѣхахъ, выказавъ отвращеніе къ нимъ, и проникнуться искреннимъ раскаяніемъ и твердымъ рѣшеніемъ шествовать отнынѣ по пути справедливости и милосердія; побудить народъ къ платежу десятины; организовать въ теченіе трехъ дней три процессіи вокругъ опустошаемыхъ виноградниковъ, служить передъ или послѣ каждой процессіи большой молебень съ пѣньемъ *Veni Creator spiritus* и стиха *Emitte spiritum tuum et creabuntur* и *Deus qui corda fidelium*. Первый молебень долженъ быть отслуженъ въ честь Св. Духа, второй въ честь Св. Дѣвы Маріи и третій въ честь сень-жульенскаго патрона. При этомъ должны присутствовать, по крайней мѣрѣ, по два человѣка изъ каждаго семейства.

20, 21 и 22-го мая предписанные религиозные акты были выполнены деревенскимъ кюре, составившимъ объ этомъ протоколъ, который онъ и подписалъ своимъ именемъ *Romanet*.

30-го мая обѣ стороны снова являются къ офиціалу; представители общины приносятъ упомянутый протоколъ и всѣ акты предыдущаго процесса;

представители насѣкомыхъ желаютъ ознакомиться съ этими актами, и дѣло отлагается на 6 іюня.

Въ этотъ день защитникъ животныхъ, Антуанъ Филіонъ, представляетъ меморандумъ въ защиту своихъ кліентовъ. Въ своей защитѣ адвокатъ, напомнивъ о стадіяхъ предыдущаго процесса и резюмировавъ доводы, указанные его предшественникомъ Клодомъ Мореномъ, выражаетъ свое удивленіе по поводу страннаго образа дѣйствія и странныхъ мѣръ, примѣняемыхъ по отношенію къ его кліентамъ. Прежде всего, говоритъ онъ, здравый смыслъ учить насъ, что такія животныя, какъ *amblevins*, не могутъ быть формально приглашены къ суду и что ихъ не можетъ постичь какая-бы то ни было дисциплинарная кара. Не учить-ли насъ, говоритъ онъ, Бытіе, эта священная книга, что животныя были созданы раньше человѣка? *Producat terra animam viventem in genere suo, jumenta et reptilia et bestias terre secundum species suas*, т. е., да произведетъ земля живыхъ тварей разныхъ породъ: четвероногихъ, пресмыкающихся и всякихъ животныхъ по родамъ. И въ другомъ мѣстѣ: *Benedixitque illis Deus ei ait: crescite et multiplicamini et replete aquas maris, avesque multiplicentur super terram*, т. е. Богъ благословилъ ихъ,

говоря: «ростите и умножайтесь, и наполняйте воды морскія и да распространятся птицы въ изобиліи по поверхности земли». Творецъ вселенной, конечно, не сказалъ-бы этого, еслибы-бы онъ не желалъ давать животнымъ средства къ существованію. Но изъ священныхъ книгъ ясно можно доказать, что растенія служатъ пищей точно также животнымъ, какъ и человѣку. «*Ecce dedi vobis omnem herbam ut sit vobis in escam et cunctis animalibus terre...*»: «Вотъ Я передалъ вамъ растенія земныя, да послужатъ они вамъ пищей и кормомъ животнымъ». Изъ этого слѣдуетъ, что насѣкомыя, о которыхъ идетъ рѣчь, воспользовались лишь своимъ законнымъ правомъ, поселившись на виноградникахъ просителей. Но кромѣ того, было-бы неосновательно, неразумно и бессмысленно призывать противъ этихъ бѣдныхъ тварей гражданскіе и церковныя законы, божественное и человѣческое право: какъ будто эти существа, лишеныя разума, руководимыя однимъ лишь инстинктомъ, могутъ чувствовать какое либо давленіе, не вытекающее непосредственно изъ законовъ природы. Очевидно, стало быть, что сюда неприложимы какія-бы то ни было церковныя мѣры. Напрасно стануть возражать, что Провидѣніе под-

чинило житотныхъ человѣку и связало ихъ его властью, напрасно стануть приводить слова изъ Экклезиаста: «*Posuit timorem illius super omnem carnem et bestiarum et volatiliam*», т. е. «Онъ вселилъ страхъ предъ человѣкомъ во всемъ живомъ, въ животныхъ, ходящихъ по землѣ и летающихъ по небу», напрасно стануть также приводить изрѣченіе: *qui seminat, metet*, т. е. «тотъ, кто сѣетъ, долженъ пожинать», или мѣсто изъ Исаи: «*Plantate vineas et comedite fructus*», т. е. «насаждайте виноградники и ѣшьте ихъ плоды»,—ибо эти тексты, какъ-бы достохвальны они ни были, не относятся вовсе къ данному вопросу: животныя, которыхъ желаютъ осудить, воспользовались лишь представленнымъ имъ правомъ, они придерживались естественныхъ законовъ. Просители поступили-бы несравненно лучше, если-бы они, вмѣсто того, чтобы возбуждать несправедливый процессъ, обратились къ небесному милосердію и слѣдовали-бы примѣру ниневитянъ, внявшихъ голосу пророка Іоны и вернувшихся въ искреннемъ раскаяніи къ Богу. Въ заключеніе Антуанъ Филіонъ, защитникъ насѣкомыхъ, просить, чтобы были отмѣнены распоряженія, выпрошенныя противною стороною, и чтобы всякая

дальнѣйшая попытка истреблять насѣкомыхъ религіозными церемоніями была объявлена бесполезною и незаконною.

Послѣ представленія этого меморандума дѣло откладывалось нѣсколько разъ на 12-е, 19-е, 26-е іюня и, наконецъ, на 4-іюля. За это время Франсуа Фай, адвокат сень-жульенскихъ синдиковъ, составилъ новую записку, въ которой онъ старается доказать доводами разума и цитатами изъ библіи и каноническаго права, что животныя созданы только для человѣка съ цѣлью быть ему полезными. «И такъ какъ, говоритъ онъ, это положеніе ясно выведено и достаточно доказано нашими предками въ актахъ первоначальнаго процесса, *cum circa hanc materiam majores nostri satis scripserint*, и такъ какъ противная партія не возразила ничего новаго, то мы ограничиваемся тѣмъ, что обращаемъ вниманіе на доводы, изложенные въ то время почтеннымъ Дюколемъ, и просимъ слѣдовать его заключеніямъ».

4-го іюля Антуанъ Филіоль, представитель насѣкомыхъ, представилъ новый меморандумъ въ отвѣтъ на записку истцовъ. Этотъ второй меморандумъ, также редижированный Пьеромъ Рамбо, другимъ адвокатомъ насѣкомыхъ, представляетъ въ сущности лишь варіантъ перваго. Въ немъ юрис-

консулътъ замѣчаетъ, что изъ утверждений многихъ авторитетовъ, по которымъ человекъ созданъ для управленія животными, еще не слѣдуетъ возможность примѣненія экскоммуникаціи и интердикта по отношенію къ этимъ животнымъ, что единственный законъ, управляющій дикими существами, есть законъ природы, вытекающій изъ вѣчнаго разума, настолько неизмѣнный, какъ и божественные законы. Очевидно поэтому. заключаетъ адвокатъ, что просителямъ слѣдуетъ отказать во всѣхъ пунктахъ, и такъ какъ записка, которую подалъ Франсуа Фай, фактически и юридически не содержатъ ничего такого, на что стоило-бы отвѣчать, то защитники настаиваютъ на своихъ прежнихъ заключеніяхъ и просятъ опредѣленнаго рѣшенія.

18-го іюля обѣ партіи являются къ оффиціалу де-Моріена. Представитель насѣкомыхъ энергично требуетъ, чтобы затягиванію процесса со стороны сень-жульенскихъ синдикатовъ былъ положенъ конецъ, представляя на видъ, что дѣло уже достаточно выяснено и что назначеніе дальнѣйшихъ сроковъ не приведетъ ни къ чему. Петреманъ Бертранъ добился, однако, новой отсрочки.

Сень-жульенскіе синдики, должно быть, не осо-

бенно крѣпко вѣрили въ правоту своего дѣла, ибо они сочли нужнымъ выдвинуть на первый планъ предложеніе, сдѣланное ими въ началѣ процесса лишь мимоходомъ. Съ этой цѣлью они созвали общее собраніе всѣхъ жителей общины подъ предсѣдательствомъ вице-кастеляна Жана Депюпе, которое должно было заняться планомъ реализаціи сдѣланнаго синдикомъ предложенія относительно уступки насѣкомымъ участка земли. Послѣ воскресной обѣдни были сдѣланы обычные провозглашенія и послѣ обѣда колоколь созвалъ всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ въ Parloir d'Amont, публичной площади Сень-Жульена. Здѣсь синдики объявили, что «au procès par eulx intentè contre les animaux brutes vulgairement nommés amblevins est requis et nécessaire suivant le conseil a eulx donné par le sieur Fay, leur avocat, de bailler auy dicts animaux place et lieu de souffizante pasture hors les vignobles de St.-Julien et de celle qu'ilz en puissent vivre pour éviter de manger ny gaster les dictes vignes». Послѣ того, какъ всѣ присутствовавшіе высказались относительно этого предложенія, оказалось, что всѣ были согласны съ планомъ уступки насѣкомымъ участка земли, расположеннаго надъ деревнею Claret въ мѣстѣ, извѣстномъ подъ названіемъ la Grand' Feisse и со-

держащаго около пятидесяти sélérés «et de laquelle les sieurs advocat et procureur d'sieulx animalx se veullent comptenter... la dicte pièce de terre peuplée de plusieurs espesses de bois, plantes et feuillages, comme foulx, allagniers, cyrissiers, chesnes, planes, arbessiers, et aultres arbres et buissons, aultre l'erbe et pasture qui y est en assez bonne quantité. . . .», (которымъ господинъ прокуроръ и господинъ адвокатъ этихъ животныхъ будутъ довольны: этотъ участокъ земли заключаетъ въ себѣ различныя породы лѣса, растеній и листвы, такъ, между прочими— дубъ, вишня и другія деревья и кустарники, не считая находящейся въ достаточномъ количествѣ травы и другого пастбища...). Дѣлая это предложеніе, жители Сень-Жульена сочли, однако, нужнымъ выговорить себѣ право прохода по указанному участку, — безъ нанесенія, однако, ущерба пищѣ насѣкомыхъ, — какъ для достиженія болѣе удаленныхъ участковъ земли, такъ и для разработки залежей охры, расположенныхъ недалеко отъ уступленнаго участка. Далѣе, такъ какъ это мѣсто представляло единственно надежное убѣжище въ окрестностяхъ, то жители Сень-Жульена желали сохранить за собою право укрыться туда въ случаѣ войны. На этихъ условіяхъ они выразили свою готовность

составить контрактъ въ пользу насѣкомыхъ «*en bonne forme et vallable à perpetuité*».

24-го іюля Петрманъ Бертранъ, повѣренный жителей, обратился къ офиціалу съ сообщеніемъ рѣшенія, принятаго собраніемъ сень-жульенскихъ жителей, и просилъ заставить защитниковъ насѣкомыхъ, въ случаѣ если предложеніе сень-жульенскаго собранія будетъ принято ими, объявить отъ имени своихъ кліентовъ, что послѣднія обязываются оставить навсегда сень-жульенскіе виноградники. Антуанъ Филіоль вытребовалъ копію упомянутаго рѣшенія и попросилъ дать ему время для размышленія. Сообразно этому, дѣло было отложено на 11-е августа. Но случившійся въ это время переходъ войскъ Савойскаго герцога Карла Эммануила I по Монъ-Сенисской дорогѣ, замедлилъ ходъ процесса, такъ что продолженіе разбирательства могло лишь начаться 3 сентября.

Въ этотъ день Антуанъ Филіоль, прокуроръ насѣкомыхъ, объявилъ, что онъ не желаетъ, именемъ своихъ кліентовъ, принять участка, предложеннаго сень-жульенскими жителями, такъ какъ этотъ участокъ земли совершенно безплоденъ и не производитъ абсолютно ничего, *cum sit locus sterilis et nullius redditus*. Съ другой стороны, Петрманъ Бертранъ воз-

разилъ, что участокъ, о которомъ идетъ рѣчь, изобилуетъ кустарниками и деревцами, весьма пригодными для питанія обвиняемыхъ насѣкомыхъ, какъ это видно изъ протокола сень-жульенскаго собранія, представленнаго суду. Въ случаѣ надобности Бертранъ изъявилъ свою готовность представить еще болѣе вѣскія доказательства пригодности уступаемой земли.

Часть листа, на которомъ изложенъ приговоръ духовнаго суда, къ сожалѣнію, стала добычею времени. Мы не знаемъ времени провозглашенія приговора, и до насъ дошелъ лишь отрывокъ рѣшенія. Но изъ этого отрывка видно, что оффиціалъ, передъ произнесеніемъ приговора, назначилъ экспертовъ для изслѣдованія состоянія упомянутаго участка.

Это изслѣдованіе было, безъ сомнѣнія, произведено, ибо на краю листа, содержащаго изложеніе приговора, мы читаемъ: «*pro visitatione III florenos*, т. е. посѣщеніе экспертовъ стоило три флорина. Еще ниже сдѣлана замѣтка отъ 20-го декабря 1587 г., изъ которой видно, что сень-жульенскіе синдикки выдали на этотъ знаменитый процессъ, *pro processe animalium*, 16 флориновъ, не считая 3-хъ флориновъ, израсходованныхъ въ пользу генераль-

наго викарія и официала Ст. Жанъ-де-Мориенна, *pro spotulis domini Vicarii III florenos.*

Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, продолжался-ли послѣ этого процессъ и произнесъ-ли officialъ окончательный приговоръ.

VI.

Насколько эти тяжбы съ животными были часты и представляли серьезный юридическій интересъ, видно изъ того, что нѣкоторые юристы считали нужнымъ составлять руководства по этого рода процессамъ, съ подробнымъ изложеніемъ процессуальныхъ правилъ и указаній судебной практики. Выше мы уже упомянули о такомъ руководствѣ, составленномъ знаменитымъ адвокатомъ по процессамъ противъ животныхъ *Barthélemy Chassanéé*. Въ 1668 г. была издана другая такая-же книга, подъ заглавіемъ «*Traité des Monitories avec un plaidoyer contre les insectes par spectable Gaspard Bally, avocat au souverain Senat de Savoye*». Этотъ Гаспаръ Балли былъ адвокатомъ въ Шамбери во второй половинѣ XVII ст. и получилъ значительную извѣстность, какъ опытный юристъ по процессамъ противъ животныхъ. *Ménabréa* приводитъ въ приложеніи къ своей статьѣ почти всю вторую половину книги Бал-

ли, ставшей величайшей библиографической рѣдкостью. Приводимъ отсюда образцы защитительныхъ рѣчей, составленные Балли въ руководство, какъ для истцовъ--представителей жителей опустошаемыхъ мѣстностей, такъ и для отвѣтчиковъ--представителей обвиняемыхъ животныхъ. Эти рѣчи представляютъ любопытный образчикъ старофранцузскаго адвокатскаго краснорѣчія.

Рѣчь представителя жителей.

Господа! Эти бѣдные жители, стоящіе передъ вами со слезами на глазахъ, прибѣгаютъ къ вашему правосудію, подобно тому, какъ это сдѣлали въ древности жители острововъ Маіорки и Минорки, пославшіе къ Августу Цезарю просить солдатъ, которые защитили-бы ихъ отъ массы кроликовъ, опустошавшихъ ихъ поля. Вы имѣете лучшее оружіе, чѣмъ солдаты этого императора, и вы болѣе въ состояніи предохранить этихъ бѣдныхъ людей отъ голода и нужды, которою имъ угрожаютъ опустошенія, производимыя этими животными, не щадящими ни зерна, ни виноградниковъ. Имъ угрожаетъ несчастіе, подобное тому опустошенію, которое было произведено кабаномъ, испортившимъ поля, виноградники и лѣса королевства Калидонскаго, и о ко-

торомъ упоминается въ Иліадѣ Гомера, или опустошенію, произведенному лисицей, посланной Ѡмидой въ Ѡивы и не щадившей ни плодовъ полевыхъ, ни домашнихъ животныхъ, ни даже самихъ крестьянъ. Вамъ знакомо все зло, которое приноситъ въ страну голодъ, ваша доброта и справедливость не допустить, чтобы жители были вынуждены предаться незаконнымъ и жестокимъ поступкамъ, *nec enim rationem patitur, nec ulla aequitate mitigatur: nec prece ulla flectitur esuriens populus.* Свидѣтельницами этихъ бѣдствій могутъ служить матери, о которыхъ рѣчь идетъ въ четвертой книгѣ Королей и которыя съѣдали дѣтей одна у другой. Голодная смерть есть самый ужасный родъ смерти, ибо ей предшествуютъ мученія и слабости сердца, являющіяся новыми источниками страданій и смерти.

Dura quidem miseris mors est mortalibus omnis,

*At perisse fame, Res una miserima longe est *).*

Также *Ammiann Marcellin* говоритъ: *Mortis gravissimum genus et ultimum malorum fame perire.*

Я увѣренъ, что вы почувствуете состраданіе къ этому народу, если вамъ представлять то состояніе, въ какое приводитъ голодъ:

*) Всякая смерть жестока для жалкихъ смертныхъ, но погибнуть отъ голода—безконечно большое несчастіе.

Hirtus erat crinis, cava lumina, pallor in ore,
Labra incana situ, scabrae rubigine fauces,
Dura cutis, per quam spectari viscera possent;
Ossa sub incurvis extabant arida lumbis,
Ventris erat pro ventre locus...*)

Габаониты, являющіеся съ порванной одеждой, съ болѣзненными лицами и въ печальномъ состояніи, внушили великому полководцу Іосуѣ состраданіе и имъ были оказаны прощеніе и милосердіе.

Различные справки и осмотры, сдѣланные по вашему распоряженію, дали вамъ ясное понятіе о вредѣ, причиненномъ животными. Такъ какъ послѣ этого всѣ необходимыя формальности уже были совершены, то теперь остается вамъ лишь составить рѣшеніе. Обитатели просятъ повелѣть животнымъ оставить занятія мѣста и поселиться въ указанномъ имъ участкѣ, они просятъ также произвести религіозные акты, указанные нашей матерью, святой церковью. Такъ какъ эти просьбы разумны и

*) Волосы вклокочены, глаза ввалились, лицо блѣдное, губы высохли отъ жажды, горло покрыто шероховатыми наростами и язвами, кожа сухая, такъ что черезъ нее можно видѣть внутренности; кости, лишенные соковъ, выступаютъ изъ-подъ кривыхъ бедръ; на мѣстѣ желудка—пустое пространство... (Ovid. Metam. 8, 801).

цѣлесообразны, то вы произнесете, конечно, соотвѣтственное рѣшеніе.

Рѣчь представителя животныхъ.

Господа! Такъ какъ вы выбрали меня защитникомъ этихъ бѣдныхъ животныхъ, то вы позволите мнѣ защитить ихъ права и доказать, что всѣ формальности, направленные противъ нихъ, недѣйствительны. Ихъ обвиняютъ—какъ будто они совершили какое-либо преступленіе. Послѣ наведенія справокъ о вредѣ, причиненномъ будто-бы ими, ихъ приглашаютъ предстать передъ судъ. Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что они нѣмы, то судья далъ имъ адвоката для представленія суду тѣхъ доводовъ, которыхъ они не въ состояніи представить. Итакъ, господа, такъ какъ вы дали мнѣ позволеніе говорить въ пользу бѣдныхъ животныхъ, то я могу сказать въ ихъ защиту слѣдующее:

Во-первыхъ, призывать къ суду можно только того, кто способенъ разсуждать, кто въ состояніи свободно дѣйствовать и кто въ состояніи понимать смыслъ преступленія. Но такъ какъ животныя лишены свѣта разума, которымъ одаренъ одинъ лишь человекъ, то, слѣдовательно, и процессъ, затѣянный противъ нихъ, недѣйствителенъ. Это слѣдуетъ изъ словъ:

Nec enim potest animal iniuriam fecisse, quod sensu caret.

Во-вторыхъ, никого нельзя приглашать къ суду безъ всякой причины и тотъ, по винѣ котораго производится такой вызовъ, обязанъ платить штрафъ *sous le titre des inistut. de poen. tem. litig.* Но животныя не дали никакого повода къ такому вызову ихъ въ судъ, *non tenentur enim ex contractu, neque ex quasi contractu, neque ex stipulatione, neque ex pacto.* еще менѣе *ex delicto seu quasi:* ибо, какъ выше сказано, чтобы совершить преступленіе, нужно обладать, разумомъ, котораго животныя лишены.

Далѣе, въ правосудіи не должно быть совершенно ничего нецѣлесообразнаго, правосудіе въ этомъ отношеніи подражаетъ природѣ, не совершающей ничего бесполезнаго: *Deus enim et natura nihil operantur frustra.* Я спрашиваю, что можно сдѣлать съ животными, если ихъ пригласятъ къ суду и они не придутъ? Ибо они нѣмы, они не могутъ выбрать себѣ прокурора, который защитилъ-бы ихъ интересы, они не могутъ приводить никакихъ объясненій въ свою защиту. Поэтому это приглашеніе къ суду не можетъ имѣть никакой силы, и такъ какъ оно составляетъ основаніе всѣхъ остальныхъ юридическихъ актовъ, зависящихъ отъ него и падающихъ вмѣстѣ съ нимъ, то и весь судъ надъ ними недѣйствителенъ: *cum*

enim principalis cause non consistat, neque et quae consequuntur locum habent.

Мнѣ возразятъ, можетъ быть, что если животныя не могутъ выбрать прокурора для защиты своихъ правъ и не могутъ излагать своихъ доводовъ, то все это можетъ быть сдѣлано отъ ихъ имени самимъ судьей. На это я отвѣчу, что это правильно въ томъ случаѣ, когда это дѣлается сообразно правовымъ постановленіемъ, *in administratione sive jurisdictionis*, но не въ данномъ случаѣ, гдѣ ни обвиняемые, ни судьи не могутъ совершить этихъ дѣйствій. какъ это видно изъ глоссаторскаго комментарія къ постановленію закона: *Quod directe fieri prohibetur, per indirectum concedi non debet*. Но удивительнѣе всего то, что надъ этими бѣдными тварями хотятъ проносить экскоммуникацію, анафему и маледикцію, на эти бѣдныя существа хотятъ обрушить самый суровый мечъ, имѣющійся въ рукахъ церкви для наказанія преступниковъ. Но эти животныя не могутъ совершать ни преступленій, ни грѣховъ, ибо для того, чтобы грѣшить, нужно обладать разумомъ, который отдѣлялъ-бы добро отъ зла и указывалъ-бы своему владѣльцу, чему нужно слѣдовать и чего нужно избѣгать.

Если обратить вниманіе на опредѣленіе понятія

экскоммуникаціи, то станетъ ясно, что упомянутое оружіе не можетъ быть обращено противъ животныхъ. Ибо экскоммуникація есть *extra Ecclesiam positio, vel e qualibet communione, vel e quolibet legitimo acto separatio*. Но животныя не могутъ быть изгнаны изъ лона церкви, никогда не бывши тамъ. Экскоммуникація можетъ быть направлена противъ людей, владѣющихъ душою, а не противъ неразумныхъ животныхъ, и апостоль Павель говоритъ: *duod de iis, quae foris sunt, nihil ad nos quoad Excommunicationem, quia Excommunicare non possumus. Excommunicatio afficit animum, non corpus*. Такъ какъ душа этихъ животныхъ не безсмертна, то ихъ не можетъ поразиť анафема, *quae vergit in dispendium aeternae salutis*.

Другимъ доводомъ можетъ служить слѣдующее: *quod facienti actum permissum non imputatur, id quod sequitur ex illo, licet consecutinum sit repugnans statui suo*. Эти животныя совершаютъ дѣйствія, вполне дозволенные даже божественнымъ правомъ. Ибо въ книгѣ Бытія сказано: *fecit Deus bestias terrae juxta species suas, iumenta et omne reptile terrae in genere suo, dixitque Deus: ecce dedi vobis, omnem herbam offerentem semen super terram* и т. д. Но если плоды земли сдѣланы для животныхъ и людей, то, вѣдь.

и животныя могутъ употреблять эти плоды въ пищу. Такъ, Цицеронъ, напр., говоритъ: *principio generi omnium animantium est a natura attributum, ut se vitam corpusque teneantur, quaeque ad vescendum necessaria sunt, inquirant.* Изъ этого видно, что животныя, слѣдуя законамъ Бога и природы, не могли совершить никакого преступленія и не могутъ, стало быть, подвергнуться ни проклятію, ни какому-либо другому наказанію, *cum etiam creaturae intellectuali et rationali delinquenti seu damnum offerenti, eo quod secundum solitum facit, non est Angelo licitum maledicere, multo minus erit licitum homini.*

Если всѣ эти доводы вамъ не кажутся убѣдительными, то слѣдующее соображеніе вамъ ясно покажетъ невозможность отлученія животныхъ отъ церкви. Произнося эккоммуникацію, судъ дѣйствуетъ наперекоръ Божьей волѣ, ибо Богъ послалъ животныхъ для наказанія людей за грѣхи: *immitamque in vos bestias agri quae consumant vos et pecora vestra et ad paucitatem cuncta redigant.* Теперь нужно повторить слова, которыя Богъ сказалъ передъ потопомъ: *omnis Caro corrumpit vitam suam.* И Овидій видѣвшій, что порокъ торжествуетъ, гордо поднявъ голову, и что добродѣтель унижена, изгнана и не находитъ себѣ мѣста у людей, говоритъ въ своихъ метаморфозахъ

Protinus irrupit venae prioris in aevum
Omne nefas: fugere pudor verumque fidesque;
In quorum subiere locum, fraudesque dolusque,
Insidiaeque et vis et amor sceleratus habendi,
Vivitur ex rapto; non hospes ad hospite tutus,
Non socer a genero; fratrum quoque gratia rara est,
Imminet exilio vir, conjugis, illa mariti; etc *).

Изъ этого видно, что процессъ долженъ быть прекращенъ, и я прошу васъ рѣшить въ этомъ смыслѣ.

Далѣе слѣдуютъ реплики обѣихъ сторонъ, которыя мы не приводимъ, такъ какъ онѣ содержатъ одни только повторенія.

VI.

Чѣмъ объясняется это удивительное явленіе, имѣющее не только юридическое, но и культурно-историческое значеніе-- процессы противъ животныхъ? Наукой оно еще до сихъ поръ не объясне-

*) Вслѣдъ затѣмъ, всякіе грѣхи вселились во всѣхъ людей поколѣнія худшей крови; исчезли стыдъ, правда, вѣрность, ихъ мѣсто заступили: обманъ, коварство, казни, насилие и преступная любовь къ стяжанію; живутъ грабежемъ; гость не находится въ безопасности со стороны хозяина, ни тесть со стороны зятя; любовь брата—рѣдкое явленіе, грозитъ гибелью мужъ женѣ, жена мужу... (Ovid. Metam.).

но вполне удовлетворительнымъ образомъ и относящіяся къ этому явленію факты стоятъ особнякомъ, не вошедши еще въ составъ науки развитія права и культуры.

Мы находимъ у изслѣдователей различныя объясненія этого явленія. Нѣкоторые выводятъ правовое отношеніе къ животнымъ изъ первобытнаго права, перешедшаго въ Европу отъ древнихъ народовъ. Прежде всего указываютъ на Моисеево право. По законодательству Моисея повелѣвается забросать камнями быка, забодавшаго человѣка, и запрещается ѣсть мясо этого быка. Этотъ законъ находилъ оправданіе въ томъ, что Богъ обѣщалъ Ною и его потомкамъ, что Онъ отомститъ за нихъ не только людямъ, но и животнымъ. Отсюда уравненіе животныхъ съ людьми предъ земнымъ правосудіемъ. Также у арабовъ еще до послѣдняго времени сохранились наказанія животныхъ. Еще историкъ Полибійъ рассказываетъ, что онъ былъ очевидцемъ публичнаго распинанія льва въ Финикійскихъ колоніяхъ. У персовъ наказанія животныхъ были очень обычны. Въ Вендидадѣ Заратустра спрашиваетъ Агурамазду, какъ слѣдуетъ поступить съ бѣшеной собакой, кусавшей людей и скоть. Этотъ вопросъ имѣлъ для Заратустры особенно большую

важность потому, что собаки принадлежать у персовъ къ числу святыхъ животныхъ, которыхъ нельзя истреблять. По отвѣту, данному Агурамаздой, владѣлецъ собаки, не смотрѣвшій за нею надлежащимъ образомъ, долженъ быть наказанъ за убійство, совершенное съ намѣреніемъ. Собакѣ-же должно въ первый разъ отрѣзать правое, во второй разъ лѣвое ухо, при слѣдующихъ-же укушеніяхъ нужно ей отрѣзать каждый разъ по одной ногѣ.

Греки, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, были тоже склонны къ правовой персонификаціи животныхъ. Пифагоръ и Эмнидокль учили, что животныя имѣютъ душу. Платонъ по поводу случая, въ которомъ человѣкъ былъ убитъ животнымъ, требуетъ формальнаго возбужденія процесса противъ этого животного: родственники убитаго должны принести жалобу на убійцу; рѣшеніе и исполненіе приговора должно быть предоставлено архонтамъ; осужденное животное должно быть убито и тѣло его выслано за границу страны. По мнѣнію Платона, даже и *ἄψυχον*, — т. е. все, что не имѣетъ души (неодушевленные предметы), если оно причинило смерть человѣку, не будучи чѣмъ-либо орудіемъ, должно быть тоже послѣ судебного приговора выслано за границу страны, но въ этомъ случаѣ не требуется

предъявленія обвиненія архонту, а приговоръ можетъ быть произнесенъ сосѣдомъ обвинителя. Въ афинскомъ уголовномъ правѣ—*ἄφωνον*—т. е. все, что лишено языка, т. е. все, кромѣ человѣка, а стало быть, и животныя, подлежали суду въ случаѣ причиненія вреда человѣку, причемъ эти *ἄφωνα* въ Афинахъ судилъ особый государственный судъ, эфеты. Они присуждали къ *ὑπερρούσειν*—т. е. къ препровожденію чрезъ границу. Въ Римѣ Пума Помпилій установилъ предавать казни животныхъ, нарушившихъ между или границу.

Другіе изслѣдователи ставятъ процессы противъ животныхъ и сопровождающее ихъ отлученіе животныхъ отъ церкви въ связь съ средневѣковою демонологіею и вѣрой въ оборотней. Существовало убѣжденіе, что дьяволъ охотно и чаще всего принимаетъ видъ животнаго—самъ принимаетъ видъ какого-либо животнаго, чтобы вредить, и также обращаетъ въ животныхъ людей, въ которыхъ онъ поселился или которые вступили съ нимъ въ связь. Полагали, что это излюбленный способъ дьявола вредить. Эти оборотни бѣгали по деревнямъ, пожирая дѣтей и домашнихъ животныхъ. Еще св. Августинъ сообщаетъ, что въ его время были нѣкоторые трактирщики, которые давали своимъ посѣ-

тителямъ какія-то снадобья въ сырѣ и такимъ образомъ превращали ихъ въ животныхъ. Также Фома Аквинатскій утверждаетъ, что *omnes Angelli, boni et mali, ex virtute naturali habent potestatem transmutandi corpora nostra* *). На этомъ основаніи противъ животныхъ часто дѣлались заклинанія. Этими воззрѣніями средневѣковыхъ людей объясняются, какъ полагаютъ эти изслѣдователи, распространеніе на животныхъ свѣтскихъ наказаній и церковныхъ *maledictio*.

Нѣкоторые изслѣдователи (Менабреа, Сорель) ищутъ объясненія въ политико-правовыхъ мотивахъ. Они находятъ въ этихъ процессахъ символическій моментъ, приписывая имъ общественно-воспитательную цѣль. «*Ces procedures, говоритъ Ménabréa, ne constituaient primitivement qu'une espece de symbole destiné à ramener le sentiment de la justice*».. Это мнѣніе о воспитательномъ «символизмѣ» имѣетъ много приверженцевъ. Къ этому воззрѣнію примыкаетъ другое объясненіе, по которому убіеніе животного имѣло цѣлью—стираніе совершеннаго злодѣянія изъ памяти людей и устрашеніе владѣльца

*) См. «Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ» Я. Канторовича.

животнаго видомъ его казни. По этому объясненію, процессы противъ животныхъ основаны на мотивахъ пользы и служатъ предупреждающимъ и устрашающимъ актомъ для людей: наказанія животныхъ должны побуждать владѣльцевъ къ большей бдительности въ присмотрѣ за животными и должны удерживать ихъ самихъ отъ преступныхъ дѣйствій. Эта точка зрѣнія находитъ себѣ оправданіе въ мотивахъ нѣкоторыхъ приговоровъ. Такъ, при осужденіи свиньи въ *Moyen Montier* (1572 г.) приговоръ мотивируется желаніемъ поощрять людей къ бдительному присмотру за животными. Другой приговоръ въ *Vigo-feau*—(1641 г.) требуетъ присутствія хозяина животнаго при исполненіи экзекуціи надъ животнымъ. Въ связи съ этимъ, повидимому, находится при-сужденіе хозяина къ уплатѣ штрафа или къ совершенію паломничества, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ приговорахъ, направленныхъ противъ животныхъ.

Наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ ученыхъ, объясненія этихъ процессовъ надо искать въ характерѣ германскаго средневѣковаго права, основаннаго на моментѣ мести. Близко къ этому воззрѣнію, только въ другой бслѣе общей формѣ, стоитъ воззрѣніе, выводящее эти

процессы изъ варварскаго права, въ которомъ господствовала персонификація животныхъ, съ признаніемъ равенства между людьми и животными и распространеніемъ на послѣднихъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Приверженцы этого воззрѣнія указываютъ на памятники въ средневѣковой поэзіи и искусствѣ, въ которыхъ явно замѣчаются представленія о душѣ животныхъ, о метаморфозахъ и странствованіяхъ душъ, объ одушевленіи всей природы.

Существуютъ еще многія другія объясненія, выводящія эти процессы изъ арійско-религіозныхъ представленій или изъ мифологическихъ основаній.

VIII.

Слѣды процессовъ противъ животныхъ сохранились и въ настоящее время. Остатки этого «уголовнаго права животныхъ» удержались у южно-славянскихъ народовъ, право которыхъ представляетъ вообще богатая хранилища живой древности. Извѣстный знатокъ южно-славянскихъ обычаевъ и преданій Фридрихъ Краусъ сообщаетъ, что въ Черногоріи и теперь еще распространены процессы про-

тивъ животныхъ. Обвиняемыми животными обыкновенно являются волъ, лошадь и свинья. Обвиняются они обыкновенно въ убійствѣ и тяжелыхъ поврежденіяхъ, причиненныхъ человѣку. Процессъ ведется не противъ причинившаго вредъ животнаго, а противъ хозяина послѣдняго. Этотъ хозяинъ долженъ явиться вмѣстѣ съ животнымъ предъ мировой судъ деревенскихъ старшинъ или патріарховъ семействъ. Здѣсь родственники убитаго или потерпѣвшаго требуютъ смерти животнаго или денежнаго штрафа. Если обвиняемый не хочетъ платить штрафа, то онъ сваливаетъ вину съ себя на злыхъ духовъ, вселившихся въ животное. Приговоръ требуетъ умерщвленія животнаго камнями. Владѣлецъ животнаго бросаетъ первый камень, затѣмъ остальные присутствующіе слѣдуютъ его примѣру. Куча этихъ камней называется «*prokleta gomita*» (проклятая куча). Миръ между хозяиномъ убитаго животнаго и обвинителемъ закрѣпляется кумовствомъ и братаньемъ *).

Подобныя же сообщенія даетъ Краусъ относительно Славоніи. Еще въ 1864 г. собраніе крестьянъ славонской деревни *Pleternica* присудило къ

*) Karl Amira, Thierstrafen und Thierprocesse.

смерти свинью, откусившую однолѣтней дѣвочкѣ уши. Мясо свиньи было брошено собакамъ. Семейная община, которой свинья принадлежала, должна была, въ возмѣщеніе вреда, доставить дитяти приданое.

Эти процессы у современныхъ южно-славянскихъ народовъ не имѣютъ, конечно, регулированныхъ формъ судопроизводства и составляютъ только обычай. Но въ нѣкоторыхъ процессуальныхъ отношеніяхъ они вполне напоминаютъ процессы средне-вѣковой эпохи въ западно-европейскихъ странахъ. Такъ, интересно замѣчательное сходство съ лозанскимъ судопроизводствомъ XV в. въ слѣдующемъ пунктѣ: если процессъ ведется даже противъ цѣлой породы животныхъ, то все-таки одинъ, по крайней мѣрѣ, экземпляръ этой породы приводится къ мѣсту суда, осуждается и убивается. Способомъ умерщвленія почти всегда выбирается утопленіе, даже если оно гораздо труднѣе и неудобнѣе другихъ родовъ убійства. Въ 1866 г. въ Подзегской долинѣ (въ Славоніи) появилось много саранчи. Крестьяне деревни Видовичи поймали одну большую саранчу, судили ее и присудили къ смерти. Все населеніе деревни отправилось къ рѣкѣ Орлявѣ и, произнося проклинанія, бросило саранчу въ воду.

Въ настоящее время, впрочемъ, процессы этого рода находятся у южныхъ славянъ въ стадіи вымиранія.

Далеко не въ такой степени достовѣрно существованіе наказаній животныхъ у другихъ славянскихъ народовъ. Краусъ ограничивается сообщеніемъ о козлѣ, осужденномъ будто бы въ Россіи во второй половинѣ XVII в. къ ссылкѣ въ Сибирь...